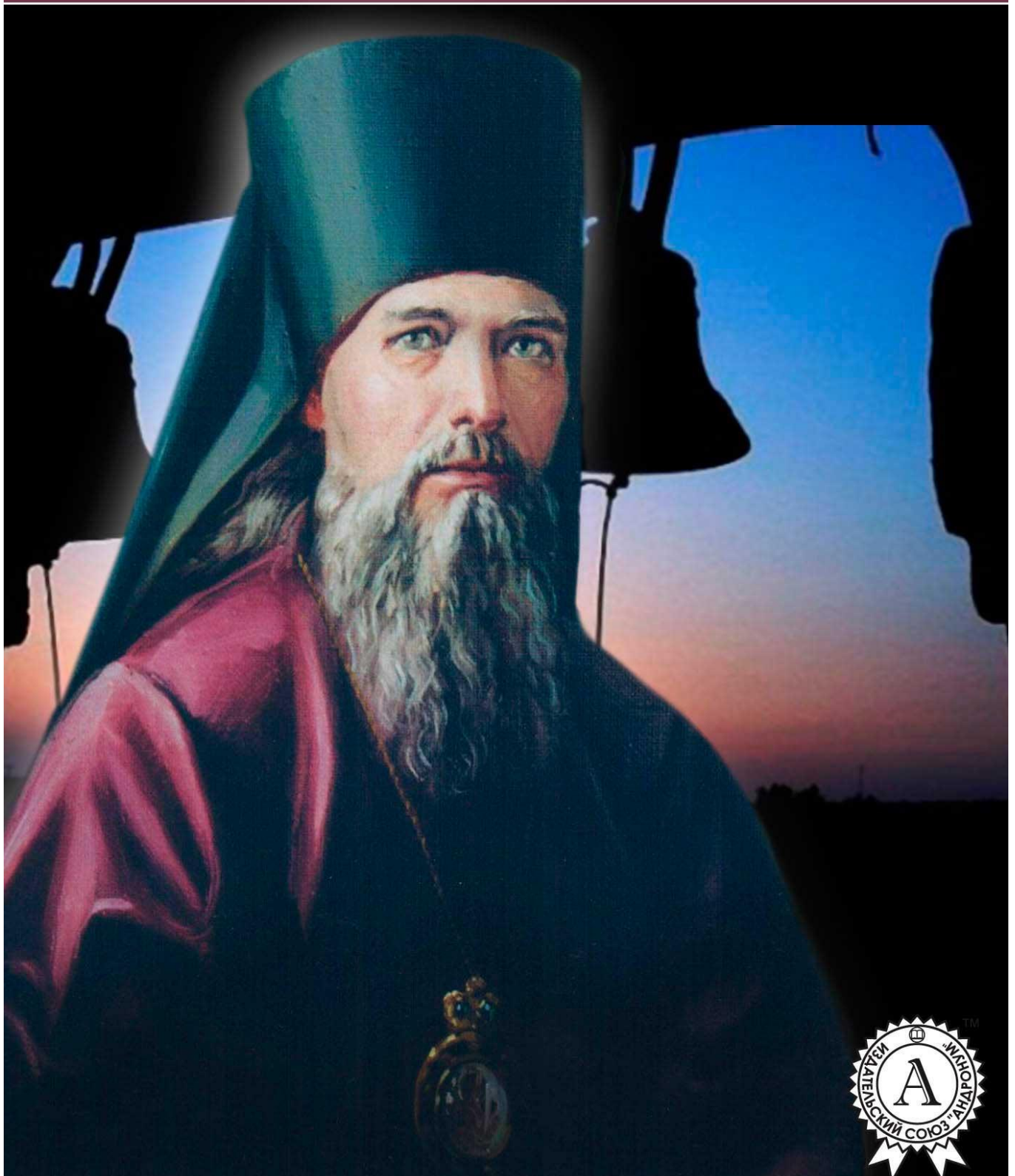

ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

НАСТАВЛЕНИЯ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

*«Наставления в духовной жизни» Феофана Затворника — это сборник, составленный преосвященнейшим Иоанном, митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским из чрезвычайно обширной переписки автора. Так как найти в многотомной переписке святителя интересующий вопрос было нелегко, появилась эта книга, построенная как словарь: в алфавитном порядке расположены основные темы, затрагиваемые святителем в своих письмах. К каждой из этих тем сделаны соответствующие выписки из его писем. ****

Автор книги св. Феофан — необычайный человек и плодотворный писатель. Побывав преподавателем и руководителем духовных учебных заведений, членом Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, настоятелем русской посольской церкви в Константинополе, епископом, в 1872 г. Феофан уходит в затвор (откуда и его прозвание — Затворник), в котором пробудет до конца своей земной жизни целых 28 лет. Впрочем сам Феофан Затворник утверждал, что он затворился «не в видах строжайшего подвижничества, а в видах беспрепятственного книжничества». Известны слова св. Феофана по этому поводу: «Когда молитва твоя до того укрепится, что все будет держать тебя в сердце пред Богом, тогда у тебя и без затвора будет затвор...»

Св. Феофан Затворник не писал специально догматических трудов. Основные темы его сочинений — нравственное богословие и аскетика. Феофану принадлежит множество толкований Св. Писания. Феофану Затворнику принадлежит множество переводов (прежде всего «Добротолубия») древнехристианской аскетической литературы.

Святитель Феофан Затворник НАСТАВЛЕНИЯ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Святитель Феофан Затворник

Святитель Феофан Затворник (1815–1894) оставил обширное и поистине драгоценное духовно-литературное наследие: многочисленные труды по христианской нравственности, сочинения с изложением основ святоотеческой психологии, переводы аскетической письменности (в том числе перевод «Добротолубия»), глубочайшие толкования Священного Писания, существенно обогатившие русскую библиистику. Им был совершен настоящий творческий подвиг, и один из его биографов с полным правом мог утверждать, что по своей плодотворности труды святителя Феофана сопоставимы с творениями святых отцов IV столетия — золотого века Византии.

На Поместном Соборе Русской Православной Церкви, посвященном 1000-летию Крещения Руси, Феофан Затворник был причислен к лику святых. В решении Собора отмечалось: «Глубокое богословское понимание христианского учения, а также опытное его исполнение, и как следствие сего, высота и святость жизни святителя позволяют смотреть на его писания как на развитие святоотеческого учения с сохранением той же православной чистоты и богопросвещенности».

Особое место в духовно-литературном наследии святителя Феофана занимают его письма к разным лицам, просившим у него совета или духовной помощи, решения недоуменных вопросов, утешения в скорби, облегчения в бедах...

Со всех сторон России стекались эти просьбы в Вышинскую пустынь, где Преосвященный Феофан пребывал в течение последних 28 лет жизни, причем 22 года из них он находился в строгом затворе. До этого им уже был пройден значительный жизненный и духовный путь, отданный служению Церкви Божией на различных поприщах и в разных местах.

Родился святитель Феофан, в миру Георгий Васильевич Говоров, 10 января 1815 года в селе Чернавское Елецкого уезда Орловской губернии, в семье священника. Учился в Ливенском духовном училище, Орловской семинарии, Киевской духовной академии. В 1841 году, в Киеве принял постриг с именем Феофан, в том же году рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. Затем была служба инспектором в нескольких духовных учебных заведениях, ректорство в Санкт-Петербургской духовной академии; поездки в Палестину в составе русской духовной миссии и в Константинополь в должности настоятеля посольской церкви (во время этих поездок происходит углубленное изучение аскетической письменности православного Востока). 1 июня 1859 года в Троицком соборе Александро-Невской Лавры была совершена хиротония и наречение святителя Феофана во епископа Тамбовской епархии, затем последовало перемещение на древнюю, более обширную Владимирскую кафедру... Таков краткий очерк его внешнего жизненного пути, полного неустанной разносторонней и всегда успешной и плодотворной деятельности на благо Церкви и Отечества. Внутренний же путь, каким шла сокровенная духовная жизнь святителя, привел к тому, что в 1866 году, находясь на самом, казалось бы, «взлете» практической деятельности, епископ Феофан неожиданно подал в Священный Синод прошение об увольнении его на покой с правом пребывания в Вышинской пустыни Тамбовской епархии. Прощение было удовлетворено, и он, наконец, получил то, к чему давно чувствовал свое главное духовное призвание: полное отрешение от житейских дел, уединение, неразвлекаемое «внутреннее делание». В письмах своих он свидетельствовал, что поистине счастлив в Выше: «Вышу можно променять только на Царство Небесное». Уйдя в затвор, он устроил в своих келиях малую церковь во имя Крещения Господня и проводил жизнь в богослужении и молитве, в подвигах телесных и духовных, в тщательном самонаблюдении, в трезвении и бодрствовании, в напряженном чтении и богомыслии, в трудах писательских...

Весь этот величайший и поистине бесценный опыт, накопленный на разнообразных жизненных поприщах, и особенно в годы затвора, был мобилизован святителем в его огромной переписке с многочисленными корреспондентами, среди которых были представители всех сословий, от сановника до крестьян. Ежедневно почта приносила от 20 до 40 писем, и епископ Феофан обязательно отвечал на каждое из них, чутко угадывая состояние и потребности писавшего и находя для каждого идущее прямо к сердцу, необходимое слово. Он обладал редким даром просто, ясно, лаконично говорить о самых сложных предметах, о самых глубоких и премудрых вещах.

Вот, например, лишь некоторые из бриллиантов богословской мысли, какие можно в изобилии найти в неисчерпаемой сокровищнице его переписки:

«Бог никого не оставляет. У Него все дети. Нет пасынков. И тяжелые случайности и состояния — все на добро нам посылаются».

«Внимание к тому, что бывает в сердце и исходит из него — есть главное дело христианской исправной жизни...»

«Надо сторожить за собою...»

«...Сойди вниманием в сердце, стань там перед Господом и не допускай туда ничего греховного. В этом все дело внутренней брани».

«Безжалостность к себе, готовность на всякую услугу другим и предание себя всецело Господу с молитвенным в Нем пребыванием — се производители жизни духовной...»

«Эгоизм (злодея) надо убить. Если сами не убьете, то Господь молот за молотом будет посылать (всякие неудачи), чтобы разбить сей камень».

«Самоугодие и саможаление свидетельствуют, что в сердце пребывает я, а не Господь».

«Осуечение составляют не дела, а образ совершения их. Когда одно дело делается, а сотни толпятся в голове. Надо все те прогнать, а одно дело делать, и притом руками делать, а умом быть в своем месте».

О ревности духовной святитель говорил так:

«Она — огонь. Огонь поддерживается дровами. Дрова духовные — молитвы...»

В письмах святителя нет и тени скучной назидательности, сухого морализма. Они согреты самоотверженной любовью, сердечным вниманием к людям — и оттого они написаны таким живым, образным, безыскусным слогом.

Нередко можно встретить в письмах святителя блески светлого юмора. Так, к примеру, он с шутливым вздохом отмечает участвовавшие попытки самонадеянного человеческого ума проникнуть в неизреченные и неисследимые тайны Божественной жизни: «Нынче удерже нет от совопросничества. Ум наш — комар, а все пищит!» А вот какую характеристику в одном из писем епископа Феофана получает необузданный наш язык: «Язык?! Нет зловреднее вещи под небесем. Желательно бы так устроить, чтобы за каждую с его стороны непозволительность что-нибудь его укалывало (хоть бы булавка). Тогда бы он помирнее был, а то как машинка, что песенки поет... как завели и пустили и... пошла тилиликать».

Как известно, хорошая шутка в обстановке боя способна поднять дух солдат, укрепить их волю к победе. Не менее важно веселое бодрящее слово на поле труднейшей и жесточайшей духовной брани...

Святитель Феофан Затворник, переводчик замечательного сочинения «Невидимая брань», и в обширной переписке своей не оставил без внимания ни одного участка духовной борьбы человека, ступившего на узкий и тернистый, но спасительный путь, ведущий в Царство Небесное. Какие только темы, какие только вопросы не рассматривает и не раскрывает он в духовных беседах со своими корреспондентами! Здесь и беды житейские, и болезни, и семейная и гражданская жизнь, истинное назначение искусства, и правильная установка в отношении к различным обстоятельствам внешней жизни, и бесконечные проблемы жизни внутренней: борьба с помыслами, с самоугодием, с унынием, стяжание смирения и терпения, плача и теплоты сердечной, и руководство в богомыслии, и учение о правильной молитве, о различных ступенях молитвенного делания (молитве уделял святитель особое внимание в своих письмах, поскольку считал ее царицей духовной жизни, точка опоры которой — смирение).

Все эти и множество других важнейших тем, в зависимости от вопросов и духовной потребности адресатов, рассредоточены по разным письмам, неизбежно повторяясь, варьируясь, различно сочетаясь друг с другом.

И вот, чтобы сориентировать современного православного человека в этом поистине необозримом эпистолярном наследии святителя Феофана Затворника, Преосвященный Владыка Иоанн, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский, осуществил значительный и чрезвычайно полезный труд, потребность в котором несомненно назрела: он определил и озаглавил основные темы переписки, выделил главные, наиболее емкие и законченные высказывания святителя Феофана по этим темам и систематизировал их, расположив названия тем в алфавитной последовательности. Таким образом, создан своего рода путеводитель по собранию писем святителя.

Но в наиболее широком и глубоком смысле, это еще и путеводитель в духовной жизни. Теперь каждый может без труда найти ответ святителя Феофана по интересующей его проблеме, прибегнуть в том или ином конкретном случае к мудрому руководству опытного старца. Как писал один из современников святителя, «только человек, сам перестрадавший многое, сам перегоревший в горниле духовного опыта, может заговорить с людьми о духовной жизни с такой всепобедной силой, возбуждающей духовную энергию и порождающей готовность на духовные подвиги» («Душеполезное чтение», 1894, т. 2, с. 260).

Хочется надеяться, что настоящий труд, предлагаемый вниманию читателя, поможет ему найти верные и точные ориентиры на пути спасения и будет способствовать великому делу духовного возрождения России.

В помещенных ниже выписках из писем использованы: Собрание писем святителя Феофана издания Афонского Русского Пантелеимонова монастыря; выпуски I, II, III: М., 1898; выпуски V, VI: М., 1899; выпуск VIII: М., 1901.

НАСТАВЛЕНИЯ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Отличительный признак духовной жизни

Христианская жизнь есть ревность и сила пребывать в общении с Богом деятельном, по вере в Господа нашего Иисуса Христа, при помощи благодати Божией, исполнением святой воли Его, во славу Пресвятого имени Его. Существо жизни христианской состоит в Богообщении о Христе Иисусе, — в Богообщении, вначале обычно сокровенном не только от других, но и от себя. Видимое же, или ощущаемое внутри нас, свидетельство о ней есть жар деятельной ревности, исключительно о христианском Богоугождении, с полным самоотвержением и ненавидением всего, тому противного.

Так, когда начинается сей жар ревности, тогда полагается начало христианской жизни: и в ком он постоянно действует, тот живет по-христиански. *Духа не угашайте, заповедует апостол: Духом пламенейте; Господу служите.*

Ясно, что холодное исполнение уставов Церкви, регулярность в делах, устанавливаемая расчетливым рассудком, исправность, степенность и честность в поведении еще не суть решительные указатели, что качественно в нас истинно христианская жизнь. Все это хорошо, но коль скоро не носит в себе духа жизни о Христе Иисусе, не имеет никакой пред Богом цены. Такого рода дела будут тогда как бы бездушные истуканы. И часы хорошие идут исправно; но кто скажет, что в них есть жизнь? Так и тут. Эта добропорядочность поведения больше всего может вводить в обольщение. Истинное его значение зависит от внутренних расположений. Как, удерживаясь внешне от дел греховных, можно питать к ним привязанность или соуслаждение в сердце, так равно делая дела правые внешне, можно не иметь к ним расположения сердечного. Только истинная ревность и добро хочет совершить во всей полноте и чистоте, и грех преследует до малейших его оттенков. Первого ищет она, как насущного хлеба, с последним поступает, как с врагом смертельным.

Дело благочестия и Богообщения есть дело многотрудные и многоболезненное, особенно на первых порах. Где взять силы, чтобы поднять этот труд? При помощи благодати Божией в одушевленной ревности. Купец, воин, судья, ученый проходят службу многозаботливую и многотрудную. Чем поддерживают они себя в трудах своих?

Воодушевлением и любовью к своему делу. Не иным чем можно поддержать себя и на пути благочестия. А без сего мы будем находить в служении Богу темноту, тяготу, скуку, вялость. Богоугождение ревностное есть отрадное, окрыляющее дух шествие к Богу. Надо все делать во славу Божию, наперекор живущему в нас духу. Ясно, что без ревности христианин — плохой христианин, — вялый, расслабленный, безжизненный, ни тепел, ни холоден, — и жизнь такая не жизнь. Итак, верное свидетельство о жизни христианской есть огонь деятельной ревности о Богоугождении. Как же возжигается этот огонь? Такая ревность производится действием благодати, но не без участия свободной нашей воли. О ниспослании благодати должно молиться и надо быть готовым принять ее. Дух Божий, сходя в сердце, начинает действовать в нем не снедающею только, но вседействующею ревностию.

Состояние грешника

Отличительная черта грешника не всегда явная порочность, но собственно отсутствие воодушевленной, самоотверженной ревности о Богоугождении, с решительным отвращением ко всему греховному — то, что у него благочестие не составляет главного предмета забот и трудов, что он, заботливый о многом другом, совершенно равнодушен к своему стяжанию, не чувствует, в какой опасности находится, нерадит о доброй жизни и проводит жизнь холодную к вере, хотя иногда исправную и безукоризненную совне. Отвратившись от Бога, человек останавливается на себе и себя поставяет главною целью всей своей жизни и деятельности. Это уже и потому, что после Бога нет для него ничего выше себя самого; особенно же потому, что, получив прежде от Бога всякую полноту, а теперь опустевши от Него, спешит он и заботится, как бы и чем бы себя наполнить. Образовавшаяся в нем пустота, чрез отпадение от Бога, непрестанно возжигает в нем ничем не удовлетворимую жажду, — неопределенную, но непрестанную. Человек стал бездонною пропастью; всеусиленно заботится он наполнить сию бездну, — но не видит, не чувствует наполнения. Оттого весь свой век он в поте, труде и великих хлопотах: занят разнообразными предметами, в коих чает найти утолнение снедающей его жажды. Предметы сии поглощают его внимание, все время и всю деятельность его. Они — первое благо, в коих живет он сердцем. Отсюда понятно, почему человек, поставя себя исключительно целью, никогда не бывает в себе, а все вне себя, в вещах, сотворенных или изобретенных суетою. От Бога, Который есть полнота всего, отпал; сам пуст; осталось как бы разлиться по бесконечно разнообразным вещам

и жить в них. Так грешник жаждет, суетится, заботится о предметах вне себя и Бога, о вещах многих и разнообразных. Почему характерная черта греховной жизни есть, при беспечности о спасении, заботы о многом, многопопечительность.

Оттенки и отличия сей многопопечительности зависят от свойства образовавшихся в душе пустот. Пустота ума, забывшего о Едином, Который есть все, рождает заботу о многознании, разведывании, пытанье, пытливость. Пустота воли, лишившейся обладания Единым, Который есть все, образует жажду удовольствий многих и разнообразных, или искание тех бесчисленных предметов, в коих чаем найти услаждение своих чувств внутренних и внешних. Так, грешник непрестанно в заботах о многознании, многообладании, многонаслаждении; услаждается, овладевает, пытается. Это — круговращение, в коем кружится он весь свой век. Пытливость манит, сердце чаёт вкусить сладости и увлекает волю. Что это так, — всякий может проверить сам, устроив наблюдение над движениями души своей в продолжение хотя одного дня.

Пробуждение грешника от греховного сна

Пробуждение грешника есть такое действие благодати Божией в сердце его, вследствие которого он, как от сна пробужденный, видит свою греховность, чувствует опасность своего положения, начинает страшиться за себя и заботиться о том, как бы избавиться от своей беды и спастись. Прежде он был в отношении к спасению слеп, нечувствен и беспечен; теперь и видит, и чувствует, и заботится. Но это еще не изменение, а только возможность изменения и призывание к тому. Благодать только говорит грешнику: «Видишь, куда зашел; смотри же, возьми меры ко спасению». Она только изъе́млет из всегдашних уз его, ставит и держит вне их, давая ему возможность избрать совсем новую жизнь и определить себя на нее. Воспользуется сим, — благо ему; не воспользуется, опять будет брошен, опять погрузится в тот же сон и ту же бездну пагубы.

Общая черта покаянных возбуждений под действием благодати Божией есть недовольство грешника собой и всем своим и туга о чем-то. Становится человек неудовлетворяющимся ничем, что окружает его — ни своими совершенствами, ни тем, что имеет, хотя бы то были несметные сокровища, и ходит, как будто горем убитый. Не находя отрады ни в чем видимом, обращается он к невидимому, и приемлет его с готовностью и искренно присваивает его себе, а себя — ему.

В чрезвычайных случаях благодать Божия оказывает свое действие быстро и решительно, как видим, например, на апостоле Павле, Марии Египетской и др. Но в обыкновенном порядке обращений большею частью бывает так, что приходит человеку только мысль — переменить жизнь и стать лучше в своих делах и внутренних расположениях. Приходит мысль, — но как много надо придать ей, чтобы она возобладала над душой! Большею частью такого рода благие помышления остаются бесплодными, не по своей, однакож, вине, а по недолжному отношению к ним тех, чью душу посещают они.

Первая и главная в отношении к ним погрешность та, что их отлагают неисполненными. Отлагательство — общий недуг и первая причина неосмотрительности.

Всякий говорит: «еще успею», — и остается в старых порядках привычной недоброй жизни. Итак, пришла благая мысль исправиться, — ухватись за нее, займись тем, чего ради она послана к тебе; и с сею целью гони отлагательство.

Гони отлагательство. Не позволяй себе сказать: «завтра, после займусь этим», а сейчас же приступи к делу. Живее вообрази неразумие, безобразие и опасность своего состояния. После больше привыкнешь к греху. Уж если сознаешь, что таким оставаться нельзя, каков ты теперь, что мешкаешь? После можешь зайти за черту, из-за которой нет возврата, и ты погибнешь. Прежде всего возмись за тело. Откажи ему в наслаждениях и удовольствиях, стесни удовлетворение самых естественных потребностей; продли час бдения, умаль обычную меру пищи, приложи к трудам новый труд. Главное, как хочешь и как можешь облегчи плоть, утончи ее дебелость. Этим душа высвободится из связанности веществом, станет подвижнее, легче, приемчивее для впечатлений добрых. Тело, преобладая над душою, сообщает ей неподвижность и холодность. Правда, не всякий грешник живет невоздержанно и поблажает телу, но едва ли найдется лицо из обычно живущих, которое не имело бы в чем отказать телу, когда на сердце западает желание спасения. Подвиги телесные ослабляют узы тела и устраняют следствия их.

Тело обременяет душу вовне, заботы томят ее внутри. Итак, отложи на время заботы, все без исключения, отложи только на время; после опять возьмешься за обычные дела, только теперь прекрати их, выкинь их из рук, выбрось их и из мысли. Вот ты стоишь теперь у своего сердца. Пред тобой твой внутренний человек, погруженный в глубокий сон беспечности, нечувствия и ослепления. Начинай будить его. Начинай изводить на средину разные помышления, держащие тебя в ослеплении, и подвергай их строгому суду:

а) **Я — христианин,** — говоришь ты и успокаиваешься на этом. Но уясни себе, что значит быть христианином, а не казаться только им; уясни себе обязанности христианина, возлагаемые на нас Святым

Евангелием, сличи себя с сим идеалом, — и ты увидишь, насколько неосновательна опора твоего заблуждения.

б) Да ведь мы не из последних. Так иные прельщаются душевными своими совершенствами. Но естественные совершенства не имеют нравственной цены, потому что они не наше приобретение, а дарованы нам Богом. Но все ли сделано тобой, что можешь и должен ты сделать по своим дарованиям? Ты большому подлежишь ответу, потому что тебе больше дано. Укажи, много ли пользы принес ты ближнему чрез свои дарования?

в) Мы еще не так худы: есть еще хуже нас. Но на других смотреть нечего, всякий за себя будет давать отчет. Ты на себя смотри и, отрезав себя от других, себя только одного суди без сравнения себя с другими. Лучше сравни себя со святыми угодниками. Они суть живой закон христианский, или живой образец спасающихся.

г) Будто я один таков. Но множество согрешающих не изменяют закона правды и не избавляют никого от ответственности. Бог не смотрит на число. Все согрешают, всех и накажет, как в водах потопа во времена Ноя.

«Помяни последняя твоя». Говори себе: «Увы, скоро смерть». Один, другой умирает около тебя; вот, вот ударит и твой час. Обратись к Богу и поставь себя, оскверненного и обремененного многими грехами, пред лицом Его, Всеведущаго, Вездесущаго. Еще ли ты будешь оскорблять око Божие мерзким видом твоим греховным? Взойди мысленно на Голгофу и пойми, чего стоят грехи твои. Ужели еще будешь уязвлять главу Господа терниями грехов своих? Еще ли будешь пригвождать Его ко кресту, прободать ребра Его и издеваться над долготерпением Его? Или ты не ведаешь, что, греша, участвуешь в мучении Спасителя и разделишь за то участь мучителей?

Ведь одно из двух: или вечно погибать, если так останешься, или покайся и обратись к Господу. Посмотри! все уже пошли ко Господу... и тот обратился, и другой, и третий... Чего же ты стоишь и медлишь?

Молись, чтобы Бог осветил твой труд над твоим окаменелым сердцем, чтобы Сам Он пришел, умягчил и разбудил твою спящую душу. В молитве сей сам молись; изреки то, что на душе, и свою кровную нужду открой словом простым, детским, кротким. Не умствуй, не сочиняй молитв. Приступи в простоте с одною нуждою твоею, как больной к врачу, как связанный к освободителю, с искреннею исповедью немощи своей и бессилия одолеть себя и с преданием себя Божию вседействию. Падай ниц, клади поклоны, — многие, многие. И не отходи от молитвы, пока движется молитва. Охладеет молитва, берись опять за размышление, а от сего опять переходи к молитве.

И для молитвы прибери краткие к Богу возвания: «Пощади Твое создание, Владыко! Боже, милостив буди ми грешному! О Господи, спаси же! О Господи, поспеши же!» Припоминай церковные песни: «Се Жених грядет...», «Душе моя, душе моя, востани, что спиши...» и подобные. Так трудя себя, бей непрерывно в двери милосердия Божия.

Сборник законоучителя.

М., 1903.

О ВЕЧНОСТИ МУЧЕНИЙ

Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни

I

Вас занял вопрос о вечности мучений. Доброе дело! Но стали вы об этом рассуждать и набрались недоумений, не умея решить которые, начали колебаться и в самой вере в этот догмат. Вам думается, что коль скоро есть недоумения против какого-либо догмата веры, то ему и верить нечего, потому что иначе вера будет не разумною, а слепую, — будет не вера, а суеверие. По этой причине у вас в голове собрался большой шум. Не желая в чем-либо погрешить против веры, вы ищете вразумления. С удовольствием готов исполнить ваше желание, — и как у вас путаница произошла оттого, что, боясь обличения в слепой вере, вы взялись за рассуждение, которое и завело вас в накрывший вас туман; то сначала и скажу вам слово-другое о вере слепой и неслепой, и о том, в какой степени надо доверять своему уму в предметах веры.

Слепой вере протввоположна вера видящая. Какая же это? — Вера видящая есть та, которая ясно видит, во что верует и почему верует. Ясное видение, во что верует, обнимает все содержание веры, — что Бог есть един по существу и троичен в лицах, что Он весь мир сотворил словом Своим и о нем промышляет, и в целом и в частностях, что мы сотворены для лучшей жизни, но пали в прародителях, и се — томимся в изгнании, что беду сию мы сами на себя навели, но высвободиться из нее сами не имели возможности, почему воплотился Сын Божий и избавил нас от всего, чему подверглись мы вследствие падения, Своими

страданиями, смертью, воскресением, вознесением на небеса и седением одесную Бога Отца, — это для того, чтоб каждый из нас делался причастным благ спасения, совершенного Господом, Дух Святой сошел на апостолов и чрез них Церковь Святую основал на земле, в коей Церкви и пребывает, всех верующих чрез святые Таинства возрождая к новой жизни, укрепляя на всякое добро, очищая от всякого зла и освящая, и чрез все это к вечной жизни приготавливая и Царства Небесного наследниками соделывая, — и что все верными сынами и дочерьми Церкви Божией до конца себя сохраняющие несомненно Царство Божие наследуют, а неверными ей оказывающиеся в ад попадут на вечные мучения. Все это ясно видит и ведаёт определенно видящая вера.

Видит она ясно и определенно и основание, почему так верует. Но оснований этих у нее не много, а одно, — потому что верует, что Сам Бог повелел так, а не иначе веровать, — основание самое разумное, разумнее и тверже которого ничего нет. Ибо что Бог сказал, то уже все конечно есть совершеннейшая истина, против которой неуместны и возражения. В полном смысле настоящая вера и есть та, когда кто верует потому только, что Бог так повелел, и когда для того, чтоб уверовать ничего больше не ищет, как узнать, как Бог повелел, и как только узнает, что Бог повелел так и так веровать, так и успокаивается на том полным успокоением, не допускающим никаких колебаний.

Се — детская вера, беспрекословно верящая Богу — Отцу своему! Ее-то и требовал Господь, когда сказал: *если не будете как дети, не увидите в Царство Небесное* (Мф. 18, 3). Из сего можете вы сами заключить, что кто иным каким-либо образом верует, о том нельзя не усомниться, войдет ли он в Царство Небесное.

Такая детская вера не есть слепая, а видящая, и видящая все чистыми глазами, ничем не запорошенными. Она только в умовые исследования не пускается, а как узнает, что Бог так сказал, так и успокаивается. Это у нее самая верная, самая прочная и самая разумная основа на все верования. Слепая вера есть та, которая не знает, во что должно веровать, или если знает, то не полно, кое-как; равно не знает и того, почему должно веровать, и не заботится узнать ни того, ни другого. Такова большею частью вера простого нашего народа, но не исключительно; ибо и между лицами высшего и образованного круга очень много таких, если не наибольшая часть. И в простом народе не редкость сильная детская вера видящая, за которой куда гнать нашей ученой вере?!

У нас вошло в обычай слепой вере противопоставлять разумную, а под разумною верою разуметь веру ученую, которая не довольствуется одним тем основанием, «что так Бог повелел и верую», — но ко всему примешивает и соображения своего ума, и когда начнет говорить о предметах веры, то говорит о них так, как бы это было постижение ума его, стыдясь даже помянуть, что так Бог повелел, видя в этом унижение уму своему. У иных это доходит до того, что они и совсем верить не хотят ничему такому, что не сумеют подвести под начала своего разума и согласовать с суммою добытых ими понятий и с установившимися в голове воззрениями на сущее.

На это скажу: никакого нет греха доискиваться некоторых умовых соображений в уяснение и полнейшее уразумение предметов веры. Это делали нередко и святые отцы. Но надо заметить, что к существу веры это ничего не прибавляет, и есть совсем побочное или придаточное дело. Будь это или не будь, вера, верующая Богу, как сказано, нисколько от того не теряет. Кто набрал себе таких соображений, не имеет у Бога преимущества пред тем, кто не имеет их, а искренно и ясно верует во все веруемое по тому одному, что Бог так повелел. Это замечание надо крепко держать в уме, чтоб не породилось лукавое в сердце предпочтение своих соображений тому единственно прочному основанию: Бог так повелел, и верую. Ибо в таком случае человек выходит из детскости и сам себя подвергает опасности, в коей находятся не имеющие детской веры: «аще не будете яко дети, не увидите в Царство Небесное». Как ни мудр будет ум, все ему окончательно надо стоять на том, что — Бог так повелел, и верую. Но само собою уже разумеется, что по мере того, как дается предпочтение своим соображениям, вера слабеет и теряет свое значение, а где своим только соображениям верят, там и совсем веры нет, а есть умствования о предметах веры.

Когда строятся в уме умовые соображения о предметах веры, тогда наиболее приходят и недоумения, колеблющие веру. Правда, что они подкрадываются и в душу, детски верующую. Но тут им обычно никакого хода не дают, сразу прогоняя их, в той уверенности, что это наверное какой-либо кривотолк. Но так же надобно поступать и тем, которые не довольствуются и не умеют довольствоваться простою верою. Недоумения против веры то же суть в области веры, что дурные помыслы и позывы, противные добронравию и заповедям в сфере жизни. Последние как мы встречаем? Отталкиваем — и конец. То же следует делать и с первыми. Пришли недоумения, отгони их мечом веры, и конец. И это будет самое разумное действие. Когда ясно ведомо, как Бог повелел веровать, разумно ли против того допускать возражения, а не только строить? Когда Бог говорит, тварь должна слушать и слушаться.

Это первый акт — отбить недоумение, оставаясь на стороне веры без колебаний. Когда это сделано, и покой веры возвращен сердцу, тогда можно против недоумений искать разъяснений, кто хочет. И это не мудрено. Их всегда можно найти в восстановлении точного учения о предмете веры, подвергшемся нападкам

недоумений. Все недоумения исходят оттого, что какой-нибудь предмет веры затемняется, и ясное представление его не созерцается. Коль скоро этот недостаток будет восполнен, тотчас недоумение рассеется само собою.

Грешат против сего много те, которые, лишь только родилось какое недоумение, тотчас переходят на сторону его, и вражески готовы выступить против веры, мечтая в то же время, что они начинают действовать неким возвышенным образом, — не то, что иные невежды, слепцы, и проч. — Хорошо ли делает тот, кто, лишь только пришло дурное желание, тотчас переходит на сторону его и исполняет его? — Конечно, дурно. Дурно делает и тот, кто, как только родилось недоумение, тотчас вместе с ним начинает вооружаться против веры. Когда недоумение касается такого предмета, о котором известно Божие определение, то такого рода действие есть богоборство. Законный образ действия должен быть такой: пришли недоумения — не допускай их до сердца и не возмущай ими покоя веры; оттолкни их, стоя с сердцем на стороне веры, а потом ищи разъяснения. Придет разъяснение — добре; не придет — беда не велика. Покой веры цел, — не слепой, а той, которая видит и знает, как повелел Бог. Повелевает неложный Бог, а недоумения куёт нам умишко, — задорный, но слепой.

Этими пояснениями теперь ограничусь. Рассеяние ваших недоумений отлагаю до следующего раза.

II

Начну с Божиею помощью восставлять поколебленную веру вашу в вечность мучений и успокаивать душу вашу.

Недоумение ваше таково: как можно, чтоб будущие мучения были вечны?! Никак нельзя. Это благодати Божией противно.

Прежде всего спросите у своей детской веры, — знает ли она, что Бог именно так определил? — И если не знает, просветите ее, указав ей прямые Божеские о сем определения. Господь ясными словами, не допускающими никакого перетолкования, говорит: «Идут сии в муку вечную». Это говорит Господь, нас ради человек и нашего ради спасения воплотившийся, пострадавший, умерший, воскресший, вознесшийся на небеса и седший одесную Отца, чтоб и там всегда ходатайствовать тоже о спасении всех и каждого. Если говорит так Тот, Кому столько стоило спасение наше, и Кто ничего так не желает, как чтобы все спаслись; верно, иначе сему быть нельзя. Кажется, такой вывод столь верен и непреложен, что и колебаний никаких допустить не может. А мы с вами что сделали? — Так увлеклись недоумением, что заподозрили и подлинность Писания, и верность толкования, говоря: или не так написано в подлиннике, или не так истолковано. Так понравилось нам наше недоумение, что мы готовы ради него все вверх дном повернуть. Но ведь мы имеем подлинные новозаветные Писания. Там стоит: «идут сии в муку вечную». Затем сколько ни есть переводов Нового Завета, — во всех стоит: «идут сии в муку вечную». И никаким переводчикам никакого перевода не представилось, и в голову не пришло как-нибудь иначе перевести эти страшные слова: **«в муку вечную»**. Потому не может подлежать сомнению, что Господь именно так сказал. Истолковывать же тут нечего, — слова ясны без истолкования. Пытались дать слову «вечный» кривое толкование не верующие, а неверы, будто «вечный» означает здесь относительную вечность: долго-долго, но не без конца, — долго так, что эта длительность покажется вечностию, но все же и конец будет. Что такое толкование криво, обличает тут же стоящее другое слово: «в живот вечный». Живот вечный и кривотолки разумеют, как имеющий быть без конца. Так надо понимать и муку вечную. Оба изречения стоят в одинаковых условиях. Что разумеется об одном, нельзя того отрицать у другого. Если живот без конца, то и мука без конца.

Извольте теперь спросить свою детскую веру: видит ли она, что Сам Бог сказал, что муки вечны? Ну — как не видеть?! А если видит, пусть так и верует от всей души, и всякое противное тому недоумение гонит прочь, не отдаваясь ему в плен без разбора.

Но дадим на время ход вашему недоумению и допросим его: «Ты какие права предъявить можешь на свое существование?» — «Недоумеваю, — говорит, — как согласить можно вечные муки с благодатию Божиею, с беспредельным Божиим милосердием. Ведь страсть какие муки указываются! Огонь неугасающий, червь неусыпающий, тьма крошечная, скрежет зубов! Господи мой батюшка! — Как благоутробный Господь будет смотреть на такие истязания?! Господь нам заповедал прощать. Сам ли не простит? Он молился на Кресте за согрешивших против Него страшнейшим согрешением, — таким, больше которого нет уже и быть не может. Неужели нельзя Ему простить и в будущей жизни?»

Что же скажем мы такому недоумению?! Ты стоишь за благодать и милосердие Божие.

Но речь твоя имела бы смысл, если бы вечность мук определили люди, — безжалостные и неумолимые ригористы. Тогда резонно было бы возразить им: ваше положение не может быть принято, потому что оно противно благодати Божией. Но когда такое определение постановил Сам Господь, — всеблагий и всемилостивый, то уместно ли как бы в лицо говорить Ему: быть не может, это противно Твоей благодати? —

как будто бы Он говорил неизвестно что? Разве Он переставал быть благим, когда изрек сие? — Конечно, нет. А если не переставал быть благим, то нет сомнения, что такое определение совершенно согласно с Его благостию. Ибо Бог никогда ничего не делает и не говорит, что было бы противно Его свойствам. Для детской веры этого объяснения совершенно достаточно. И я на нем покоюсь более, нежели на каких-либо других разъяснениях, — что и вам советую.

Говорите: Господь на Кресте молился за распинателей, — можно ли, чтоб Он казнил кого-либо из грешников вечными муками?

Господь молился, и молитва Его тотчас же принесла плод. Разбойник покался и, уверовав в Господа, открыл себе вход в рай. Сотник исповедал Господа Сыном Божиим и, освятившись верою, имеется в числе святых. Верно, и все те, которые пошли с Голгофы, бия себя в перси, не лишились благой чести. Так и все, которые, нагрешив пред Богом, обращаются к Нему в слезах покаяния, всегда получают прощение, и пред ними дверь рая не заперта. Если бы все люди, грехам повинные, так поступали, все бы вошли в рай, и ад остался бы занятым одними духами злобы — ожесточенными и нераскаянными. Вы опираетесь на милосердном прощении. Но прощение не безусловно: покайся, и прощение получишь. А нераскаянного как простить?

Господь милосердый всех готов простить, только покайся и прибегни к Его милосердию. Если бы и бесы покались, и те были бы помилованы. Но как они закоснели в упорном противлении Богу, то нет им помилования. То же и в отношении к людям. Невозможно помилование тех, которые упорно противятся Богу. Что такие есть, это, думаю, вы знаете. Что многие из таких и на тот свет отходят богоборцами и богоненавистниками, и этого, полагаю, отрицать не станете. Что же их там ожидает? Уж видно что! Как они Бога знать не хотели, то и Бог скажет им: не вем вас, отойдите. — А когда такое решение от Бога изойдет, кто отменит его? — Вот и вечное отвержение — печать ада!

Остается строить надежду, нет ли покаяния за гробом? — О, когда бы возможно было это?! Какое бы облегчение нам грешным! Господь столько милосерд, что только покайся, хоть бы то и за гробом, непременно простит. Но то наше горе, что надежды-то такой не на чем основать. Закон жизни таков, что коль скоро кто положит здесь семя покаяния, хоть бы при последнем издыхании, то уже не погибнет. Семя сие возрастет и плод принесет — спасение вечное. А коль скоро кто здесь не положит семени покаяния и перейдет туда с духом нераскаянного упорства во грехах, то и там навеки останется с тем же духом, и плод от него вовеки будет пожинать по роду его, Божие вечное отвержение.

В притче о богатом и Лазаре Авраам отвечает богачу: *между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящий прийти отсюда к вам, не возмогут, ни иже оттуду к нам преходят* (Лк. 16, 26). Какое решительное разделение одних от других! Я беру здесь из притчи только одну эту черту, что коль скоро кто, перешедши в другую жизнь, попадет налево, то ему уже нет перехода направо. Но в притче сей проглядывает и та мысль, что на том свете, если бы и возможно было кому бросить свое грешное упорство, то не принесет уже ему пользы.

Так по закону правды: приял благая в жизни сей, а там терпи (Лк. 16, 25). Увы нам грешным! Поспешим поскорее покаяться здесь и получить разрешение, разрешающее навеки не для земли только, но и для неба.

Так видите в чем дело! Посему или пусть ваше сердоболие сделает всех грешников покаявшимися, или пусть согласится, что возможна часть людей, которые не получают прощения и будут осуждены по причине нераскаянного упорства.

Уж не питатели ли вы такого чаяния, — чтоб Бог державною властью Своею простил грешников и ввел их в рай. Прошу вас рассудить, пригоже ли это и гожи ли такие лица для рая? Грех ведь не есть что-либо внешнее, а внутреннее и внутрь проходящее.

Когда грешит кто, грех весь состав его извращает, оскверняет и омрачает. Если простить грешника внешним приговором, а внутри его все оставить как было, не вычистив, то он и после прощения такого останется весь скверен и мрачен. Таков будет и тот, кого бы Бог простил державною Своею властью, без внутреннего его очищения. Вообразите, что входит такой, — нечистый и мрачный, — в рай. Что это будет? Ефиоп среди убеленных. Пристало ли? — И у нас когда строятся общества такие, то в состав их входят обыкновенно однородные, — лица другого сорта и сами не захотят вступить в него, и если почему-либо захотели, не будут приняты. То же и рай, примет в себя только однородное, — чистое и пречистое, а все неподходящее под сию норму не может войти туда.

Положим даже, что какими-либо судьбами грешник втянут в рай, что он там будет делать?! Для него и рай в ад превратится. Вкусить сладостей райских у него нет органа, а чрез то, что там все противоположно его настроению, он будет тесним и гнетом, так что и места не будет находить. Введите вы в круг людей высшего тона человека простеца, — для него пребывание среди них будет настоящая пытка. То же должен испытывать и грешник, если неочищенным втянуть его в рай.

Скажете: ну, — так очистить его. Уж это опять не державною ли властью милосердного Бога! — Если бы возможно было так, то и здесь на земле давно уже не было бы ни одного грешника. Сказал бы Бог: да будут